

Поскольку эти люди были преданы Хэ Цзяхуэй долгие годы, теперь, когда она ушла, они считали, что оставаться или уволиться — уже не имеет значения. Поэтому они не боялись: если их действительно уволят, это будет отличным поводом уйти на пенсию. Именно поэтому, сталкиваясь с Чэн Чжилинем, они вели себя с большей самоуверенностью.

Чэн Чжилинь же был человеком внешне громким, но пустым внутри: ни ума, ни решительности. Единственное, на что он был способен — это срывать злость на слугах. На самом деле у него даже не было права их увольнять, ведь все они принадлежали еще старому господину.

Душа Чэн Чжилиня была не на месте, и ел он без аппетита. Чжао Чжиман в этот момент тоже не имела желаний его обслуживать — у неё на уме было много мыслей. Теперь она вошла в семью Чэн и стала богатой дамой, женой из влиятельной семьи, а значит, пора входить в высшее общество.

Чэн Кэ с друзьями ели и шутили, и обед прошёл необычайно гармонично. В то время как Чжэн Сяочэнь, Фэн Шоуци и Цзян Хао с самого начала и до конца не спустились вниз, чтобы поздороваться с Чэн Чжилинем, что очень его раздражало.

К девяти тридцать вечера Чэн Кэ попросил дядю Цяна отвезти Чжэн Сяочэня и Фэн Шоуци домой. Чэн Кэ и Цзян Хао проводили их до гаража, и только там в гостиной они встретили Чэн Чжилиня и Чжао Чжиман.

Все кивнули Чэн Чжилиню. Чжао Чжиман хотела подойти и заговорить с ними как хозяйка дома, но Чэн Кэ опередил её:

— О, забыл представиться. Это госпожа Чжао, та самая женщина, которая приглянулась моему отцу, когда моя мама была на четвёртом месяце беременности.

В одно мгновение лицо Чжао Чжиман покраснело, а Чжэн Сяочэнь и Фэн Шоуци, прикрываясь руками, ушли, сдерживая смех.

Чжао Чжиман вся дрожала от гнева. Она обернулась к Чэн Чжилиню и сказала:

— Ты видишь, что это за сын у тебя?

Чэн Чжилинь сверкнул на неё глазами:

— Ты сама полезла говорить, так что нечего на других пенять.

В этот момент Чжао Чжиман всё поняла: Чэн Чжилинь её и не уважал. Оказывается, в его глазах она была недостойной того, чтобы показываться людям?

— Чэн Чжилинь, я действительно была с тобой больше десяти лет, и я знала, что разрушаю чужую семью. Но ты? Разве не ты за мной ухаживал? А теперь что? Ты хочешь, чтобы я пряталась в углу, не показывалась на глаза? Как в течение этих прошлых лет?

Говоря это, Чжао Чжиман снова начала плакать — слёзы были её самым сильным оружием.

Чэн Чжилинь был выведен из себя её истерикой:

— Ты можешь не рыдать по любому поводу? Мне и так достаточно проблем, нужно ещё и тебя утешать?

Слёзы у Чжао Чжиман полились ещё сильнее. Чэн Чжилинь глянул на неё, махнул рукой:

— Ладно, плачь на здоровье. Я сегодня здесь ночевать не буду, поеду в офис.

С этими словами он ушёл, оставив Чжао Чжиман одну в гостиной.

Чэн Кэ, проводив Чжэн Сяочэня и Фэн Шоуци, вернулся вместе с Цзян Хао. Увидев в гостиной Чжао Чжиман, они как сговорились сделали вид, что не замечают её, и поднялись наверх.

Чжао Чжиман сжала кулаки. Её игнорировали с самого начала, и её гордость была растоптана Чэн Кэ. Но у неё не было опоры, так как у Чэн Чжилиня в доме не было авторитета, а её собственный сын, Чэн Цзыюэ, только что вошёл в эту семью и тоже был новичком без корней. Неужели остаток жизни ей придётся прожить в таком унижении?

Нет, Чжао Чжиман не могла с этим смириться. Она ждала так долго, терпела так долго и наконец вошла в дом Чэн. Она не позволила бы игнорировать себя. Ей нужно было собственными усилиями укрепить своё положение в этом доме!

Что касается Чэн Чжилиня, она будет использовать его, пока это возможно. В конце концов, они уже расписаны, и он не осмелится так просто развестись с ней, тем более, когда Цзыюэ уже взрослый.

Чжао Чжиман и Чэн Цзыюэ действительно въехали в дом Чэн, но Чэн Чжилинь стал редко появляться дома. Чжао Чжиман не особо переживала: денег Чэн Чжилиня ей хватало. К тому же она недавно наладила контакт с женой главы компании «Вэй Ши Рил-эстейт», госпожой Вэй. Чжао Чжиман надеялась через неё попасть в круг светских дам, поэтому недавно одарила её множеством вещей.

Госпожа Вэй подарки не отвергла, и Чжао Чжиман, опасаясь, что она откажется, волновалась. Но раз она их приняла, то потом просить о услугах будет проще.

Пока Чжао Чжиман занималась своей карьерой светской львицы, Чэн Кэ вызвали к завучу и отправили в дом Се Сяолин.

Се Сяолин уже две недели не ходила в школу. Она боялась туда идти, не в силах представить, какая её ждёт школьная жизнь, поэтому она просто пряталась от реальности.

Появление Чэн Кэ вызвало у неё нестерпимый стыд. Завуч указал на Чэн Кэ, требуя извинений, но тот, глядя на Се Сяолин, спросил:

— Это то, чего ты хотела?

Се Сяолин с начала и до конца не смела поднять глаз. Она действительно любила Чэн Кэ, но она действительно сделала аборт. Только ребёнок был не от него, а от другого человека. Она и не думала, что всё так выйдет, ведь собиралась сделать аборт тайно, но её поймал Чэн Цзыюэ. Тот день не был выходным, и она даже подозревала, что Чэн Цзыюэ всё знал о её деле и специально подкараулил её.

После аборта Чэн Цзыюэ вызвал её в кофейню. Он заказал ей стакан тёплого молока. Се Сяолин, прикусив губу, долго молчала, а наконец попросила его не рассказывать никому об аборте — иначе ей не будет жить.

Чэн Цзыюэ достал карту и положил перед собой:

— Здесь сто тысяч. Я знаю о твоём финансовом положении. Поезжай домой, хорошо отдохни. Я узнавал: говорят, после такой процедуры... после аборта нужно лежать, называется «малый месяц», в любом случае нужно дней пятнадцать.

Се Сяолин смотрела на карту на столе, и слёзы катились градом. Её семья была действительно бедной: оба родителя работали упаковщиками в супермаркете, у неё была младшая сестра, а пару лет назад мама серьёзно заболела, из-за чего набрали много долгов. Короче говоря, эти сто тысяч были для Се Сяолин огромным соблазном.

— Зачем ты... зачем так делаешь?

Чэн Цзыюэ лишь улыбнулся и ничего не ответил. Через неделю Се Сяолин взяла пятьдесят тысяч, чтобы погасить семейные долги, и купила себе тонны добавок. После этого появился Чэн Цзыюэ.

К тому моменту отказать Чэн Цзыюэ было поздно: её родители уже были против, так как долги давили на них не на шутку. Узнав, что мерзавец, из-за которого забеременела их дочь, — это Чэн Кэ, они категорически воспротивились колебаниям дочери. В итоге Се Сяолин не пошла жаловаться в школу, туда пошли её родители.

После двух дней шума школа решила вынести Чэн Кэ выговор, а Се Сяолин больше не решалась вернуться.

Родители Се Сяолин не знали, что на самом деле в этом виноват другой человек. Увидев Чэн Кэ, отец замахнулся, чтобы ударить его, но Чэн Кэ без колебаний перехватил его руку.

— Ты ещё смеешь сопротивляться? Берегись, мы заявим на тебя за изнасилование! Ты, мусор, моей дочери всего семнадцать, как ей теперь жить? А ты ещё смеешь являться к нам? Я тебя убью, падла!

Отец Се Сяолин снова собирался ударить, но Се Сяолин громко окликнула его:

— Папа, не надо!

Отец, глядя на дочь с её трусостью, разозлился: дочь оказалась слишком слабохарактерной, в такой ситуации надо действовать жёстко.

Чэн Кэ по-прежнему был спокоен. Он посмотрел на отца Се Сяолин и равнодушно произнёс:

— Жалуйтесь куда угодно. Если не добьётесь своего, не вините меня, если я подам встречный иск за клевету.

Услышав слова Чэн Кэ, отец Се Сяолин разозлился ещё сильнее. Он знал, что у Сяолин осталось ещё двадцать-тридцать тысяч, поэтому хлопнул ладонью по столу:

— Хорошо, жди тюрьмы! Завуч, не проси его извиняться, мы его извинения не принимаем.

Завуч с ненавистью посмотрел на Чэн Кэ и, встряхнув головой, сказал:

— Продолжишь буйнить — пожалеешь, когда исключат!

Сказав это, он развернулся и ушёл. Чэн Кэ обратился к Се Сяолин и её родителям:

— Если хотите судиться, сначала спросите дочь, что она на это скажет. Иначе дойдёт до такой

точки, когда задним ходом уже не выйдете.

— Ты что имеешь в виду?! — взревел отец Се Сяолин.

— Ничего особенного. Спросите свою дочь.

С этими словами Чэн Кэ развернулся и ушёл.

Отец Се Сяолин злобно произнёс:

— Ладно, я обязательно подам на него в суд, пусть сидит.

<http://bllate.org/book/16558/1511162>